

Официальный сайт

Главное следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по городу Санкт-Петербургу

Михаил Рутман | газета "Санкт-Петербургские ведомости" "Генеральский прогноз"

- 25.07.2016
- [Михаил Рутман](#)
- |
- Рубрика [Общество](#)

Работа следователя тяжела и ответственна. Нагрузки бывают такие, что не каждый выдержит. Тем более удивляют и восхищают женщины-следователи, которых по понятным причинам в Следственном комитете немного. Но зато в питерском управлении есть женщина – генерал, первый заместитель руководителя Марина ПАРАСТАЕВА. Незадолго до Дня сотрудника органов следствия Российской Федерации, который отмечается сегодня, обозреватель нашей газеты побеседовал с ней.

Официальный сайт

Главное следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по городу Санкт-Петербургу

– Вы, Марина Григорьевна, начинали работать в «лихие девяностые». Как изменилась структура преступности за последние двадцать лет?

– В первое постсоветское десятилетие основной ее массив составляли преступления против личности – убийства, тяжкий вред здоровью, вымогательства, похищения людей. В 2001 году в городе было 963 убийства. Но потом пошло снижение. В 2009-м – уже 543, в прошлом году – 203, на два меньше, чем в самом благополучном 1980-м. С течением времени постепенно начали преобладать экономические преступления. С каждым годом растет число налоговых нарушений и махинаций с НДС. Новая тенденция – увеличение количества дел по врачебным ошибкам, особенно в отношении несовершеннолетних.

– Ухудшилось качество медицинских услуг?

– Думаю, дело скорее в том, что люди просто стали больше внимания уделять своему здоровью. Вообще наше управление стало пионером применения статьи 238 УК РФ – «оказание услуг ненадлежащего качества». Ранее она почти не работала – были не ясны механизмы доказывания. Мы смогли применить ее ко многим сферам жизни – общественному питанию, работе маршруток и прочим. Особая забота – детские оздоровительные лагеря. В прошлом году по оказанию ненадлежащих услуг в них было возбуждено два уголовных дела, в этом году – столько же. Уверена, что такая трагедия, как в Карелии, у нас просто невозможна.

– Ваш прогноз на ближайшие годы?

– Собственно, наши прогнозы уже сбываются. В кризисные времена появляется больше дел по невыплате зарплат, нарушениям правил техники безопасности – работодатели просто на ней экономят.

– Можно ли как-то оценивать эффективность работы следствия? В полиции, к примеру, это раскрываемость преступлений, а у вас?

– Ежегодно мы передаем в суд более 2 тысяч уголовных дел, из них половина – по тяжким и особо тяжким преступлениям. В прошлом году мы вернули в бюджет 72% денег, похищенных в результате налоговых преступлений, а в этом году – уже 92%.

– Служба судебных приставов плачет от зависти. Проблема взыскания, как известно, – одна из острейших. У должника нет денег, нет имущества – взыскивать нечего...

– Еще пять-шесть лет назад наши следователи так и рассуждали. Но мы перед ними поставили задачу жестко: возмещение ущерба – главный приоритет. Наш призыв был понят. И оказалось, что если очень захотеть, то найти укрытые средства можно почти всегда.

Официальный сайт

Главное следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по городу Санкт-Петербургу

– А как вы относитесь к тому, чтобы вернуть конфискацию имущества как основную меру наказания? Сейчас ведь конфисковать можно только то, что приобретено на преступно нажитые деньги или являлось орудием преступления.

– Я – двумя руками за конфискацию. Это не только способ возмещения ущерба, но и мощная профилактическая мера. Если человек будет знать, что за свои преступления он может лишиться не малой части, а всего имущества, он десять раз подумает, прежде чем нарушить закон. Более того, я бы заставила уличенных в экономических и коррупционных преступлениях доказывать законность происхождения их имущества. Не докажет – изымать в доход государства. Пока этого у нас, к сожалению, нет. Считаю также несправедливым, когда закон создает особо льготные условия вору-предпринимателю. Думаю, что в глазах большинства людей это дискредитирует саму идею рыночной экономики.

– Однако по многим другим составам преступлений наши законодатели действуют в режиме последовательного ужесточения...

– И здесь я с ними полностью согласна. Огромные сроки за распространение наркотиков? Но ведь это – скрытое убийство. И не одного человека, а многих. Усиление наказания для педофилов? Но это люди, которые посягают на самую уязвимую часть общества, и оно, безусловно, должно быть к ним беспощадно. Вообще все преступления в отношении детей у руководства Следственного комитета – на особом контроле. И их число в течение последних лет уменьшается в среднем на 16% в год. Это результат огромной работы не только наших сотрудников, но и многих других государственных и общественных организаций.

– Кстати, в какой стадии находится нашумевшее дело обвиняемого в педофилии священника Глеба Грозовского?

– Сейчас идет этап экстрадиции его из Израиля. Следствие убеждено, что доказательств его вины достаточно.

– Его сторонники утверждают, что дело заказное...

– Мы это слышим постоянно по поводу любого мало-мальски известного человека. Но если, скажем, он задержан сразу после получения «меченых» денег, о каком заказе может идти речь? Это чисто уголовная история, и никакой политики в ней нет. Сегодня у нас в производстве несколько дел в отношении крупных городских и областных чиновников. Доказательная база, по нашему мнению, безупречна. При этом мы ни на чьей стороне не играем, просто делаем свою работу.

– Можно ли рассчитывать, что вы так же принципиальны и бескомпромиссны в отношении своих собственных сотрудников?

Официальный сайт

Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу

– Это прежде всего в наших собственных интересах. Потенциально ненадежных людей мы пытаемся отфильтровать еще на стадии приема на работу. Каждый претендент проходит проверку на полиграфе. Были, скажем, факты употребления наркотиков – все, спасибо, вы нам не подходите.

Но человек может измениться и в процессе работы. Основные факторы риска – коррупция либо небрежность при закреплении доказательств, что, по сути, равносильно их фальсификации. При наличии достаточных оснований проводится служебная проверка и даже возбуждаются уголовные дела. К счастью, они единичны, но если кто-то думает, что мы будем выгораживать своих, то он глубоко ошибается...

Однако гораздо чаще возникают ситуации, когда следователя пытаются оговорить те, кому он «перекрывает кислород». И тут мы честного человека, конечно, в обиду не дадим.

– Сегодняшний следователь отличается от тех, с которыми вы начинали когда-то работать?

– Суть профессии, конечно, осталась прежней – раскрытие преступления, закрепление доказательств, изобличение преступника. Но сильно изменился технический арсенал. Следователя сегодня без компьютера уже не представить. Для молодого сотрудника протокол, написанный от руки или напечатанный на машинке, – это «каменный век». Но, на мой взгляд, пользование компьютером не всегда идет на пользу. Процедура составления процессуального документа сильно упростилась, и следователи стали меньше думать. Иногда они перестают «видеть» сидящих перед ними людей, просто «забывают» в компьютер их показания: этот сказал то-то, а тот – то-то. А анализировать, делать выводы уже не хотят. Исчезает творческая составляющая профессии.

Но современная наука нам все же сильно помогает. Существенно обновилась наша криминалистическая служба. Несколько лет назад, еще на базе экспертно-криминалистического центра ГУВД, мы начали создавать базу ДНК преступников. При этом заносили туда данные не только вновь совершивших преступления, но и тех, кто проходил по делам предыдущих лет. А в этом году открылась наша собственная ДНК-лаборатория, оснащенная современным оборудованием. Как известно, многие преступления, особенно сексуального характера, с использованием такой методики раскрываются практически со стопроцентной точностью.

– И, несмотря на такую интересную работу, насколько мне известно, далеко не все у вас надолго задерживаются?

– Не буду скрывать – текучесть кадров у нас немаленькая. Больше, чем во многих других регионах. Это определяется спецификой мегаполиса. Здесь больше рынок труда, у грамотного юриста есть возможность найти более комфортную и высокооплачиваемую работу. У нас

Официальный сайт

Главное следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по городу Санкт-Петербургу

зарплаты неплохие, но нагрузки очень высокие, и, естественно, не все это выдерживают... Конечно, это порой создает серьезные проблемы в семьях. Со стороны наших близких требуется понимание, доверие и терпение. Ведь они «служат» вместе с нами.

– Поделитесь секретом: как стать генералом? Удача, талант, чья-то протекция?

– Удача в моей жизни действительно была. Мне повезло на учителей – высочайших профессионалов своего дела. А протекции точно не было. Мои близкие – самые простые люди, не имеющие никакого отношения к правоохранительной системе. Бабушка всю блокаду провела в Ленинграде, дедушка воевал на Ленинградском фронте. Они много беседовали со мной. Это очень сильно повлияло на выбор жизненного пути – еще в школе я решила стать юристом, чтобы бороться за справедливость. Сразу после школы пришла работать в канцелярию прокуратуры Октябрьского (ныне Адмиралтейского) района. Проработав год, поступила на вечернее отделение юрфака ЛГУ. На четвертом курсе стала следователем. Так им до сих пор и осталась.

26 Июля 2016

Адрес страницы: <https://spb.sledcom.ru/folder/606604/item/1056567>